

УДК 81.42 + 811.16

**МЕСТО РЕЧЕВОГО АКТА УПРЕКА СРЕДИ ДРУГИХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ
С ОБЩИМ ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫМ СМЫСЛОМ «НЕОДОБРЕНИЕ»
В ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ**

Н.Н. ЖУРАВЛЕВА

(Белорусский государственный университет, Минск)

Анализируются средства номинации интенции упрека по отношению к другим интенциям, входящим в интенционально-семантическую группу «неодобрение», дается семантико-прагматическая характеристика речевого акта упрека в польском языке на основании анализа словарных дефиниций глаголов, репрезентирующих речевой акт, и их употреблений в текстах.

Целью данной статьи является анализ средств номинации интенции упрека по отношению к другим интенциям, входящим в интенционально-семантическую группу «неодобрение», и семантико-прагматическая характеристика речевого акта упрека в польском языке. Для ее достижения следует, во-первых, определить место речевых актов с общим интенциональным смыслом «неодобрение» в системе речевых актов вообще, а во-вторых, путем анализа словарных дефиниций глаголов, репрезентирующих тот или иной речевой акт, и их употреблений в текстах, выявить признаки, релевантные для речевого акта упрека в польском языке.

Обратимся к теории речевых актов (ее родоначальником является Дж. Остин), которая исходит из того, что основной единицей коммуникации является не предложение или какое-либо другое языковое выражение, а выполнение определенного рода действия, такого как утверждение, просьба, вопрос, приказание, извинение, поздравление и т. п. [1, с. 22 – 130]. Теория речевых актов представляет свою модель коммуникативного акта. Кроме традиционно выделяемых компонентов, таких как говорящий, слушающий, высказывание, обстоятельства, эта модель включает также цель и результат речевого акта. Главная особенность теории речевых актов – подход к речевому акту как к способу достижения определенной цели, и все используемые говорящим языковые средства рассматриваются под этим углом зрения. Таким образом, центральным понятием в данной теории является понятие иллокуции. Термин «иллокуция» не получает однозначной дефиниции у создателей теории речевых актов, они лишь перечисляют различные типы иллокутивных актов. Для объяснения понятия «иллокутивный акт» Дж. Серль разграничивает иллокутивный акт и пропозициональное содержание иллокутивного акта. Он считает, что любое предложение имеет две части (необязательно отдельные): пропозициональный показатель «р» и показатель иллокутивной силы «F». Так как одно и то же предложение может употребляться с различными целями (например, предложение *Я приду завтра* может быть и обещанием, и угрозой, и предостережением и т. д.), то именно показатель иллокутивной силы позволяет судить, как следует его воспринимать. В прагматических исследованиях понятие иллокутивной силы связывается с интенциями говорящего. Понятие интенции относится к ментальной сфере говорящего субъекта и отражает его интенциональные состояния. Интенциональность – это психическая направленность человека (животного) на объекты и положение дел внешнего мира. Дж. Серль отмечает, что интенциональное состояние включает в себя целый ряд признаков, таких как желания, убеждения, мнения, а также возможности исполнения желаний [2]. Таким образом, намерение сделать что-то является лишь одной из форм интенциональности наряду с верой, желанием, надеждой и тому подобное. Как же связаны речевые акты и интенциональные состояния? Дж. Серль придерживается мысли, что каждое интенциональное состояние репрезентирует объекты и положения дел так же, как и репрезентируют их речевые акты [3, с. 11]. Интенциональные состояния рассматриваются как условия искренности речевых актов. Так, например, если *я утверждаю* (речевой акт), что *трава зеленая*, это соответствует реальному положению дел, точно так же мое *убеждение* (интенциональное состояние), что *трава зеленая*, соответствует этому положению дел. Таким образом, язык служит для экспликации, передачи первичных интенциональных состояний говорящего человека (в этом смысле он обладает вторичной интенциональностью).

Наиболее существенным элементом в комплексе интенциональных состояний является иллокутивная цель (illocutionary point), которая относится к «фундаментальным неопределяемым исходным понятиям» [4, с. 247]. Иллокутивная цель – это конкретный тип речевого взаимодействия, которое говорящий намерен осуществить (побудить, спросить, предупредить и т. д.). Эта цель реализуется в высказывании через посредство иллокутивной силы. Различные иллокутивные силы могут иметь общую иллокутивную цель. Так, например, *krytyka, nagana, potępienie, dezaprobacja* имеют цель дать отрицательную оценку поступкам собеседника. Но каждой из иллокутивных сил свойственен определенный способ до-

стижения иллокутивной цели. Различия могут быть в силе, с которой подается иллокутивная цель, в пропозициональном содержании, в предварительных условиях и условиях искренности.

В польском языке можно выделить большую группу наименований речевых актов, объединенных общим интенциональным смыслом «неодобрение»¹, т.е. одной иллокутивной целью: *wyrzucić (czyścić wyrzuty)*, *wymówić (robić wymówki)*, *wytknąć, wypomnieć, zarzucić (robić / stawić zarzuty)*, *mieć / wysuwać / wyrażać pretensje, mieć żal, krytykować, ganić, dezaprobować, karcić, łajać, gromić, potępiać, piętnować, strofować, narzekać, najeżdżać, besztać, gderać, burczeć, wrzeszczać, zawstydząć, obwiniać, oskarżać, imputować* itd. Чтобы определить их место в системе речевых актов, обратимся к имеющимся классификациям.

Первую классификацию предложил Дж. Остин (на основе анализа семантики глаголов), выделив вердиктивы (приговоры), экзерситивы (акты осуществления власти), комиссивы, бегахбитивы (акты общественного поведения), экспозитивы (акты признания). Однако нечеткость, размытость границ некоторых классов предопределила дальнейшие искания в этом направлении, и уже последователь и продолжатель Дж. Остина, Дж. Серль, предложил свою классификацию (он выделил двенадцать критериев, позволяющих отличить один речевой акт от другого, среди которых условия искренности, условия пропозиционального содержания, статус коммуникантов, способ соотношения высказывания со всем дискурсом и т.д.; самым важным из этих критериев является иллокутивная цель), назвав пять основных видов речевых актов: репрезентативы, директивы, комиссивы, экспрессивы, декларативы [6]. Классификация Дж. Серля тоже столкнулась с критикой (неясно, к какой группе относить такие речевые действия, как разрешение, согласие, жалоба, предупреждение, оправдание и др.) и стимулировала дальнейшие поиски исследователей [7 – 12]. В этих работах предлагались различные критерии, которые позволили бы отличить один иллокутивный акт от другого (перформативное/неперформативное употребление иллокутивного глагола, различия в выражении психологического состояния, различия в цели данного речевого акта). В сущности, все эти классификации выделяют различные характеристики речевых актов и служат критериями для их полного описания. Ни одна из имеющихся классификаций не является строгой и непротиворечивой, охватывающей все многообразие речевых актов, поэтому мы остановимся на классификации речевых актов по иллокутивной цели, предложенной Д. Вандервекемом и коррелирующей с классификацией Дж. Серля. Д. Вандервекем полагает, что существует пять элементарных целей высказывания (ассертивная, комиссивная, директивная, декларативная, экспрессивная) [13, с. 105], в соответствии с чем выделяет пять классов речевых актов. Упрек он включает в группу ассертивов на том основании, что в данном речевом акте утверждается (assert), что кто-то ответствен за «плохое» состояние дел. Но в то же время отмечается, что некоторые глаголы этой группы имеют и экспрессивное употребление (*winić, одобрять*). По нашему мнению, выделенную выше группу речевых актов, объединенных общим интенциональным смыслом «неодобрение», следует отнести к экспрессивам, так как доминирующим интенциональным компонентом является выражение психологического состояния неодобрения. Так, например, Е.М. Вольф также считает, что к экспрессивам можно отнести все виды высказываний, которые интерпретируются как оценочные или включают оценочный компонент в свою интерпретацию [14, с. 166], при этом термин «экспрессивный» понимается как определенное намерение и перлокутивный эффект, а не усиление воздействия на адресата.

Несмотря на то, что, на первый взгляд, все номинации, входящие в состав группы с общим интенциональным смыслом «неодобрение», представляют собой прагматические варианты исходного интенционального смысла (общая пресуппозиция всей группы может быть выражена как «Х считает, что ситуация Р или свойство или действие Y-а – плохое»), в сущности каждое из этих выражений обозначает отдельную речевую интенцию, определенными характеристиками отличающуюся от остальных, т.е. каждый речевой акт, каждая конкретная ситуация общения описывается соответствующим глаголом². Как видно, среди представленных номинаций есть не только глаголы, но и сочетания глагол + существительное. Для экспликации интенции упрека в польском языке служат не только глаголы, но и такие сочетания с глаголами, как *robić, czyścić, wyrażać, mieć: wymawiać komu co, (robić wymówki komu), zarzucić komu, co, że, (stawić zarzuty komu), wyrzucić komu co (czyścić wyrzuty komu)*. Анализируя подобные конструкции в русском языке, Н.Д. Арутюнова отмечала, что при употреблении в таких случаях глагола «делать» «акцент ставится на самом действии и его последствиях», а при использовании глагола «выражать» акцент ставится на эмоциональном отношении говорящего (при этом эмоции могут выражаться и словами, и паралингвистическими средствами) [17, с. 646]. Таким образом, можно говорить о речеповеденческом статусе данных речевых действий.

¹ Термин «неодобрение» традиционно употребляется в качестве «классемы для обозначения всего диапазона отрицательной эмотивно-оценочной модальности» [5, с. 91], хотя он не всегда удачен, так как может употребляться как самостоятельный вид эмоционально-оценочного отношения.

² А. Вежицкая отмечает, что глаголы, описывающие речевые действия, отображают концепты, закрепленные в сознании носителей данного языка, а также интерпретацию человеческих взаимодействий [15]. Можно утверждать, что в словарных дефинициях отображаются компоненты соответствующего речевого акта: «...речевые замыслы, воплощающие подлинное содержание высказываний, описываются соответствующими глаголами речи» [16].

Теперь в рамках выделенного класса экспрессивов следует ограничить речевой акт упрека от других сходных с ним речевых актов, для чего обратимся к анализу словарных дефиниций. В словарях¹ представленные номинации получают, по сути, очень близкое, а в некоторых случаях и тождественное толкование (так как в рамках статьи невозможно проанализировать всю интенционально-семантическую группу (ИСГ) со значением «неодобрение», то ограничимся лишь несколькими примерами). Сравним:

Wymówić – “zrobić wymówkę, wyrzut; wytknąć, wypomnieć coś komuś” (SJP, USJP); “jeśli ktoś wymawia komuś coś, to roni mu wymówki z tego powodu” (ISJP);

Wymówka – “wypowiadany żal, pretensja do kogoś o coś, karcąca uwaga; wyrzut, zarzut, napomnienie” (SJP); “to słowa wyrażające niezadowolenie z postępowania osoby, do której są skierowane” (ISJP);

Zarzucić – “jeśli zarzuciliśmy komuś coś złego, to stwierdziliśmy, że zrobił on to lub się tym charakteryzuje” (ISJP);

Zarzut – “słowa zawierające ujemną ocenę czegoś, zastrzeżenie, pretensje do kogoś o coś” (SJP); “jeśli robimy komuś jakiś zarzut, to zarzucamy mu coś, np. zły uczynek lub wadę charakteru” (ISJP);

Wyrzucać – “robić komuś wyrzuty, wymówki z jakiegoś powodu; wytykać coś” (SJP, USJP); “jeśli wyrzucamy komuś coś złego, co on zrobił, to mamy do niego żal lub pretensje o to” (ISJP);

Wyrzut – “żal, pretensja o coś; wymówka, zarzut, karcąca uwaga” (SJP, USJP); “jeśli robimy komuś wyrzuty, to mamy do niego żal lub pretensje o coś złego, co on zrobił”, “jeśli patrzymy na kogoś z wyrzutem lub mówimy coś komuś z wyrzutem, to dajemy mu do zrozumienia, że mamy do niego pretensje lub żal” (ISJP);

Wypomnieć – “przypomnieć z wyrzutem, wytknąć coś komuś, wymówić komuś coś (zwłaszcza to, co się dla kogoś zrobiło)” (SJP); “jeśli ktoś wypomnił nam nasze błędy lub wady, to przypomniał nam o nich krytycznie” (ISJP);

Krytykować – “wytykać błędy i braki, oceniać ujemnie, ganić” (SJP); “jeśli krytykujemy kogoś lub coś, to negatywnie wyrażamy się o tej osobie lub rzeczy, wykazując jej błędy lub braki” (ISJP);

Piętnować – “uznawać coś za zło, za hańbę, surowo osądzać, ostro potępiać kogoś lub coś (zwykle wobec opinii ogółu, środowiska)” (SJP); “jeśli ktoś piętnuje jakieś zjawisko lub jakąś osobę, to publicznie je potępia. Słowo książkowe” (ISJP).

Сема «неодобрение» подчеркивается в каждом из толкований, но при несомненной близости данных выражений это не синонимы. В общем виде неодобрение можно представить так: X (это может быть как лицо, так и социальный коллектив) считает, что Y (лицо, его поведение, свойства или социальный коллектив, или явления окружающей действительности) не соответствуют его требованиям (или социума, к которому он принадлежит) по какому-то критерию (нравственному, функциональному, эстетическому и т. д.) и поэтому выражает негативное эмоционально-оценочное отношение к действиям Y.

Фактически из данного описания неодобрения были выведены признаки, релевантные для разграничения частных случаев неодобрения (порицание, осуждение, упрек и т.д.). Описание признаков, характерных для каждого типа речевого акта, производилось не только на основании анализа словарных дефиниций, но и путем анализа употреблений соответствующих языковых единиц в текстах. Полученные сведения были сведены в таблицу.

Сравнительная характеристика речевых актов с общим интенциональным смыслом ‘неодобрение’

Слово	Выражение негативной оценки			Шкала оценки		Содержание оценки		
	для исправления адресата	для информирования	для придания гласности	общепринятая	собственная	действия, поведение	черты характера, свойства личности	обстоятельства явления окружающей действительности
wymawiać (robić wymówki)	+				+	+		
zarzucać (stawić zarzuty)	+		+	+	(+)	+		(+)
wyrzucać (czynić wyrzuty)	+	(+)			+	+		(+)

¹ Мы используем три словаря: ISJP – [18]; SJP – [19]; USJP – [20].

<i>dominać</i>	(+)	+			+	+	+	
<i>krytykować</i>	+	+	+	+	+	+	+	+
<i>piętnować</i>	(+)		+	+		+	+	+

Список выделенных языковых единиц, объединенных между собой общностью интенционального смысла, можно назвать интенционально-семантической группой – ИСГ (термин Н.Ш. Галлямовой, [21, с. 30 – 39]). Можно выделить набор коммуникативных смыслов, общих для членов единиц анализируемой ИСГ:

1) условие успешности: X, осуществляя определенные речевые действия, дает отрицательную оценку поступкам, поведению, свойствам Y или явлениям окружающей действительности P и выражает свое эмоциональное отношение;

2) условие искренности: психологические состояния, выражаемые X, заключаются в том, что X испытывает отрицательные эмоции по поводу действия Y/ситуации P;

3) в качестве мотива интенций данной ИСГ выступает ситуация, неблагоприятная для X и/или для Y, изменение которой требует участия X;

4) социумная пресуппозиция данных речевых актов включает в себя следующие моменты:

а) если X выражает неодобрение по поводу действий Y или ситуации P, то тем самым он берет на себя определенную моральную ответственность. Так, например, говорящий может *obwinić* Y в каком-то поступке, который квалифицируется как негативный в рамках общепринятой шкалы, тогда как человек *ganiący*, делая заключение о предосудительности поступка Y, пытается сам установить шкалу оценок;

б) все представители данной ИСГ характеризуются конфликтной ситуацией.

Теперь выделим частные коммуникативные смыслы, отражающие специфику каждой из представленных интенций. Их можно сравнить по девяти выделенным нами критериям (три самых важных критерия отражены в таблице).

1. Цель выражения негативной оценки. То, что цель любого общения состоит в том, чтобы некоторым образом изменить поведение или состояние адресата, т.е. вызвать какую-то реакцию (не только вербальную, но и физическую, эмоциональную, ментальную) доказывать не надо: это аксиома. В этом ключе выделение трех целей выражения негативной оценки (для исправления адресата, просто для информирования, для предания гласности) выглядит не совсем правомерным, но в ходе анализа соответствующих речевых действий оказывается, что для некоторых из них одна из этих целей оказывается наиболее важной, главенствующей. Понятно, что когда X критикует (*krytykować*) Y, то он и информирует о своей негативной оценке, и желает повлиять на Y, и исправить положение. А вот *piętnować* можно только с ориентацией на более широкую аудиторию. Например:

(1) *Daje możliwość tysiącom robotników ... piętnować wypadki biurokracji czy złej woli.* (Prasa, Rzeczpospolita, 1950, № 124, Warszawa).

Robić wymówki, zarzucać komu co можно, главным образом, для исправления Y:

(2) *Przyjechałeś jak zwykle do niej, a nie do mnie – kontratakuję Ryszard. – O, nie, nie mogę mieć do ciebie za to żalu, nie jest ta także wymówka. Ja cię dobrze rozumiem. Chciałbym, żebyś po prostu i po męsku do tego się przyznał.* (Cz. Kuriata. Spowiedź pamięci, próba światła, 1985).

Таким образом, для обозначения цели выражения негативной оценки принималась первостепенная, самая типичная цель говорящего при совершении данного речевого действия.

2. Шкала оценки. Трудность описания наименований речевых актов, объединенных общностью интенционального смысла «неодобрение» по этому признаку заключалась в том, что четкой очерченной границы между объективными и субъективными критериями оценки нет. В.Н. Телия вслед за Е.М. Вольф (1985) пишет о том, что «ценностная картина мира объективизируется в тезаурусе «языковой личности» как носителе определенного национально-культурного стереотипа, но она может и смещаться в конкретной языковой личности. Диалектическая связь между обществом и индивидом все время колеблется то в сторону здравого смысла и морали, подчиняющей интересы индивидуума интересам общества, то в сторону интересов индивидуума и его личностных пристрастий» [22, с. 43]. Определяя, чем руководствуется говорящий (собственными мнениями, взглядами, убеждениями или нормами, принятыми в данном обществе) при вынесении негативной оценки, мы принимали во внимание наиболее типичные случаи. Так, например, в ситуации *wypomnienia* говорящий ориентируется на собственные ценностные установки, тогда как *piętnować i obwinić* можно лишь с позиции норм и правил поведения, действующих в конкретном социальном коллективе, что подтверждают следующие примеры:

(3) *Myślał, że po czterech latach to już się lepiej z panem zna, już może na tyle, żeby już móc pożyczyć. Wypomnił mi to.* (Rozmowa bezpośrednia, rozmowa o zwierzętach, 2001).

(4) *Teatr hippisów był przeznaczony dla wszystkich, piętnował elitaryzm, sztuczność i pompatyczność poz oraz dekoracji.* (Gołaszewska M. Estetyka pięciu myśłów, 1996, 1997).

Можно утверждать, что в разных ситуациях говорящий выступает в разных ролях: либо как морализатор, либо как хранитель и защитник действующих правил, норм и принципов.

3. Содержание оценки. Важным критерием разграничения различных ситуаций неодобрения является содержание (объект) оценки. Анализ употребления выбранных номинаций в текстах показывает, что диапазон неодобрения весьма широк. В качестве объекта негативной оценки может выступать как лицо (его поступки, деятельность, поведение либо черты характера), так и окружающая действительность (сюда мы включили и социальные явления, социальные условия жизни и т.д.). Так, например, *robić wymówki* можно только по поводу плохого поведения, *wypomnieć* только плохие поступки или черты характера, но не обстоятельства и явления окружающей действительности, а *krytykować* можно все:

(5) *Rano, gdy uważnie przyjrzyysz się swojej wybrance, nie czyni wymówek ani jej, ani sobie. Dobre maniery powinny cię obowiązywać do końca. Nie pytaj o imię; nie dociekaj, ile wypiliście; czy było dobrze (na pewno nie było).* (Prasa, СКМ 1999, № 5, Warszawa).

(6) – *Ciociu, ale jak on mówi ... takim głosem. A my dosłownie w śmiech;*

– *Karolina, proszę nie krytykować, bo to jest mój kolega.* (Rozmowa bezpośrednia, rozmowa o szkole, o uczelni, o egzaminach, 1999).

(7) *Ostro krytykowaliśmy miasto dziewiętnastowieczne. Obawiam się, czy następne po nas pokolenie uzna za dobre to, co dzisiaj tworzymy.* (Prasa, Sztuka, 1974, № 3, Warszawa).

4. Учет адресанта. Данный критерий позволяет анализировать функционирование тех или иных речевых актов с учетом дистанции между X и Y (социальной или персональной). Не требует доказательств тот факт, что выбор формальных языковых способов выражения интенции неодобрения диктуется совокупностью факторов социолингвистического характера: распределением коммуникативных и социальных ролей, характером отношений (официальные – неофициальные), ситуацией общения.

При несимметричных отношениях возможны не все речевые акты, мотивированные интенциями данной ИСГ. Официальность ситуации общения характеризуется тем, что обязательным ее участником является должностное лицо, занимающее приоритетную позицию. Так, например, не может подчиненный *wypomnieć* что-то своему начальнику. Если он совершит данный речевой акт, это, конечно, не будет являться логической или языковой аномалией, но будет пресуппозитивной неправильностью (в этом случае происходит нарушение, отклонение от существующих социальных норм). Но если X и Y приятели, то вне официальной, вне рабочей ситуации, происходит «возврат» к приятельским отношениям и степень речевой свободы возрастает. В таком случае речевой акт *wypomnienia* между теми же X и Y будет вполне уместен.

При симметричных отношениях, когда социальные роли обоих участников коммуникативной ситуации равны, возможно использование практически всех интенций выделенной ИСГ. При этом их функционирование регулируется лишь регистром общения: официальным или неофициальным.

(8) *Stalin odpowiedział, że to sam rząd polski musi zastanowić się, co ma robić, i wypomniał, iż Polacy nadal nie zgadzają się na linię Curzona.* (Duradzyński E. Rząd polski na uchodźstwie, 1993).

Кроме четырех рассмотренных выше критериев разграничения различных речевых актов со значением «неодобрение», нами было выделено еще пять: совпадение/несовпадение адресата и объекта оценки; степень ответственности говорящего; соотносимость речевого акта с остальной частью дискурса; невербальная характеристика; внеязыковые факторы, обязательные для выражения соответствующей интенции. Проанализировав речевые акты с общей интенцией «неодобрение» по выделенным выше позициям, мы выделили характерные особенности интенции упрека.

1. Условия, необходимые для осуществления речевого акта упрека следующие:

А) X считает, что P, которое сделал Y, – плохое;

Б) X считает, что так не должно быть;

В) X испытывает чувства недовольства, разочарования;

Г) X хочет, чтобы Y испытывал чувство вины и не поступал так, а поступал так, как хочет X.

2. Мотив интенции упрека – ситуация, неблагоприятная для X, ситуация, которая входит в личную сферу X, ущемляет его интересы (часто упрек – следствие обманутого ожидания).

3. Упрек, являясь результатом аксиологической деятельности говорящего, характеризуется эмоциональным выражением оценки.

4. Речевой акт упрека отличается непосредственной направленностью на адресата (объект оценки и адресат совпадают). Цель упрека – оказать эмоциональное воздействие на слушающего, побудить его задуматься над своим поведением, пробудить угрызения совести.

5. Перлокутивный эффект упрека – чувство стыда, вины у адресата.

6. Упрек уместен в ситуации доброжелательного отношения к слушающему, с чем связаны такие особенности речевого воплощения интенции упрека, как косвенность и имплицитность (об этом подробно будет идти речь ниже). Кроме того, выражаемая в данном речевом акте негативная оценка чаще характеризуется низкой степенью категоричности.

7. Исследователи отмечают, что для упрека свойственно употребление в ситуациях неофициальных, непубличных. «Типичная ситуация, когда высказываются упреки, – семейные сцены, выяснения отношений между близкими людьми...» [23, с. 56]. Но данные анализа выступления депутатов в Сенате Польши противоречат тезису о неупотребимости упреков в официальной ситуации. Приведем лишь один (но типичный) пример.

(9) *Wicemarszałek Kazimierz Kutz.*

Z przykrością stwierdzam, że niektórzy senatorowie nie wyłączają swoich telefonów, a pani Senator Doktorowicz przeprowadziła nawet rozmowę telefoniczną, siedząc za tym stołem. To bardzo nieładnie, Pani...

(Senator Krystyna Doktorowicz: Bardzo przepraszam, ale to sprawy państwowe...)

Nie może być spraw państwowych, bo tu jest państwo. Ja bym bardzo prosił, żeby to się już nie powtórzyło.

(Senator Krystyna Doktorowicz: Może tak, żeby pan marszałek nie widział...)

Tak? (Протокол 69 заседания Сената Польши от 29 сентября 2004 г. www.senat.pl/k5/dok/sten/068/068spr.pdf).

8. Интенция упрека не всегда выражается с помощью вербальных средств: зачастую это достигается мимикой, взглядом, тоном и даже молчанием. Например:

(10) *Powiedziała do córki z cieniem wyrzutu w głosie:*

- Jakie to śliczne! Dlaczego ty nigdy tak nie powiesz? Nie lubisz domu? (Koral D. Wydziedziczeni, 1997)

(11) *- To moja wina.*

- Nie twoja! – zaprotestowała. – To wyłącznie wina Smocurka. Był zbyt łakomy.

Smocurek spojrzal na mnie z wyrzutem. Następnie wstał i poczłapał w stronę Hiacynty. (Ostrowicka B. Kraina kolorów – księga intryg, 1999).

9. Для наименования интенции упрека в польском языке служат следующие языковые средства: *wymawiać komu co*, (*robić wymówki komu*), *zarzucać komu, co, że*, (*stawić zarzuty komu*), *wyrzucać komu co* (*czynić wyrzuty komu*). Но между ними тоже существуют определенные различия (что видно и из таблицы). Если говорящий (X) *wymawia komuś coś*, то он основывается на пресуппозиции, что соответствующая ситуация имеет место, но он не утверждает, что это плохо, как в ситуации *potępienia*, а скорее косвенным образом указывает на это, напоминает, намекает. Если же говорящий *czyni zarzuty komuś*, то он исходит из пресуппозиции, что это плохо (как в ситуации *oskarżenia*), и именно эта негативная оценка и является содержанием косвенного указания. Зачастую упрек сопровождается какое-то действие: упрекнуть – «это не столько выразить упрек, сколько сказать нечто с упреком» [23, с. 56]. Например:

(12) *– Źle się starasz, bo wódki nie ma – rzekł z miękkim wyrzutem, starannie zlustrowawszy naczynia, i odpłynął, popychany przez żonę, w kierunku drzwi.* (Borowski T. Pożegnanie z Marią, 1948, 1988).

Следует подчеркнуть, что высказывания, содержащие упрек, имеют разнообразную структуру и оттенки значения в реальных условиях общения. Сложность заключается в том, что иллокутивная сила исследуемого речевого акта не может быть эксплицитно представлена соответствующим глаголом в перформативном употреблении¹, что влечет за собой обращение к проблематике косвенности и имплицитности. В связи с этим для адекватной интерпретации речевого действия как упрека необходим анализ контекста. Проиллюстрируем важность знания прагматического контекста ситуации на следующем примере:

(13) *- I co ja wtedy tańczyłam? - zagadnęła głucho.*

- „Śmierć tańczędzia”!

Poczerwieniła z gniewu.

- To nie ja!

Potem przez kilka sekund tylko dyszała ze złości, na koniec wybuchła:

- Żeby mnie z takim kolkiem pomylić! Z takim bez-talenciem! Z taką batiarką szczerzącą; do każdego zęby! Dlatego pomylić, że się uparła tak samo czesać jak ja! Dlatego że mnie we wszystkim małpuje!

Brnęła dalej:

- To w takim razie czemu po zakończeniu popisu sala skandowała: „Stępczyńska, Stępczyńska, Stępczyńska. My chcemy Haliny!”

- Bo - chciała! Ja się zarzekałam pani Tarnównie, że jak ona na tę zgrywuskę nie wpłynie, żeby przestała mnie robić, nie wystąpię. Nie wpłynęła, ja po jej numerze wpadłam we wściekłość i w ogóle nie wystąpiłam. A moi znajomi mnie się domagali.

- A więc to tak było! Spiorunowała go spojrzeniem.

- A pan może myślał, że to chodziło o bis dla tamtej? (Breza T. Uczta Baltazara, 1988).

Последнюю фразу мы можем однозначно интерпретировать как выражение упрека лишь благодаря знанию контекста.

¹ Выяснение причин, которые препятствуют перформативному употреблению глаголов, обозначающих речевой акт упрека, требует отдельного рассмотрения и не является целью данной работы.

Подытоживая все вышесказанное, отметим, что на данном этапе исследования обращение к коммуникативному аспекту позволило отграничить речевой акт упрека в польском языке от сходных с ним других оценочных речевых актов. На основании сравнительных характеристик были выявлены коммуникативно-прагматические особенности исследуемого речевого акта, что отражено в представленной коммуникативной модели речевого акта упрека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. 17. Теория речевых актов. – С. 22 – 130.
2. Серль Дж. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. 17. Теория речевых актов. – С. 170 – 194. [а]
3. Searle J. R. Intentionality – Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – 277 p.
4. Vanderveken D. Illocutionary logic and self-defeating speech act // Speech Act Theory and Pragmatics. – Dordrecht: Reidel Publishing Co., 1980. – P. 247 – 467.
5. Графова Т.А. Смысловая структура эмотивных предикатов // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. – М.: Наука, 1994. – С. 67 – 99.
6. Серль Дж. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. 17. Теория речевых актов. – С. 151 – 169. [б]
7. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Языки русской культуры, 1995 – Т. 2. – 767 с.
8. Wierzbicka A. Akty mowy // Semiotyka i struktura tekstu. – Wrocław, 1973. – S. 201 – 219.
9. Bula D., Nawacka J. Próba klasyfikacji aktów mowy // Socjolingwistyka 5. – Warszawa, 1983. – S. 31 – 46.
10. Puzynina J. Funkcje języka i akty mowy // Polonistyka. – 1987. – № 3. – S. 163 – 172.
11. Awdiejew A. Pragmatyczne podstawy interpretacji wypowiedzi. – Kraków, 1987.
12. Grabias S. Język w zachowaniach społecznych. – Lublin: Wyd-wo UMCS, 1994.
13. Vanderveken D. Meaning and Speech Acts. - Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – 241 p.
14. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М.: Наука, 1984. – 230 с.
15. Wierzbicka A. English Speech Act Verbs: A Semantic Dictionary. – Sydney: Academic Press, 1987. – 397 p.
16. Гловинская М.Я. Семантика глаголов с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании (коммуникативно-прагматический аспект). – М.: Наука, 1993. – С. 158 – 218.
17. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
18. Inny słownik języka polskiego. Red. M. Bańko. T. 1 – 2 – Warszawa, 2000.
19. Słownik języka polskiego. Red. M. Szymczak. T. 1 – 3. Warszawa, 1997.
20. Uniwersalny słownik języka polskiego. Red. prof. S. Dubisz. – Warszawa, 2003.
21. Галлямова Н.Ш. Интенционально-семантическая группа как один из способов описания интенции // Проблемы современной лингвистики: коммуникативно-функциональное описание языка. – Уфа, 1999. – С. 30 – 39.
22. Телия В.Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. – М.: Наука, 1994. – С. 36 – 67.
23. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Оценочные речевые акты извне и изнутри // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – М.: Наука, 1994. – С. 49 – 58.